

Семенов Дмитрий Алексеевич
Финансовый университет при Правительстве РФ

Трансформация бизнес-моделей под влиянием ESG факторов и последствия для инвесторов

Аннотация. Современная бизнес-среда переживает структурный сдвиг от узко финансовых ориентиров к многофакторной модели оценки стоимости, где экологические, социальные и управленические параметры (ESG) становятся стратегическим императивом. Это смещение вызвано одновременно регуляторным давлением, ожиданиями стейкхолдеров и переоценкой нефинансовых рисков инвесторами. Статья исследует, как интеграция ESG меняет конфигурацию бизнес-моделей и трансформирует профиль риска-доходности для инвесторов, отделяя репутационные декларации от измеримых финансовых результатов. Эмпирическая база включает 300 компаний из MSCI ACWI за период 2015–2024 гг. Собраны квартальные финансовые метрики (ROA, ROE, капитализация) и ценовые ряды (волатильность, β) из Bloomberg/Refinitiv, а также интегральные и компонентные рейтинги ESG от Sustainalytics. Применены: корреляционный анализ; панельная регрессия с фиксированными эффектами (зависимые — ROA/ROE; независимые — E, S, G и контроль по размеру, отрасли, региону); портфельный тест по квадтилям ESG; событийный анализ реакции рынка на крупные ESG-инициативы и скандалы (CAR в окнах до 21 дня). Корреляции показывают положную связь ESG с рентабельностью и отрицательную — с волатильностью; наиболее сильен компонент G (ROA: 0,359; ROE: 0,322; волатильность: -0,311). В регрессии G остаётся статистически значимым драйвером ROA ($\beta=0,143$; $p<0,001$), тогда как E умеренно положителен ($\beta=0,052$; $p=0,031$), а S незначим в краткосроке. Портфель лидеров ESG демонстрирует сравнимую доходность (11,47% vs 10,98%) при существенно меньшем риске (13,05% vs 16,89%) и более высоком коэффициенте Шарпа (0,726 vs 0,532). Событийный анализ фиксирует асимметрию: позитивные объявления дают CAR до +1,95% за 21 день, негативные — до -4,21%. Результаты подтверждают, что ESG-трансформация — не маркетинговый тренд, а фактор перераспределения стоимости: улучшения в управлении и экологии напрямую повышают операционную эффективность и снижают риск. Для инвесторов ключевая выгода ESG-интеграции — качество доходности (risk-adjusted return), а не «сверхдоходность» per se. Практический вывод: встроить ESG-метрики в фундаментальный анализ, уделяя приоритет G-практикам, мониторингу ESG-рисков и системной фильтрации эмитентов по профилю устойчивости.

Ключевые слова: ESG, трансформация бизнес-моделей, корпоративное управление, риск-скорректированная доходность, событийный анализ.

Semenov Dmitry Alekseevich
Financial University under the Government of the Russian Federation

Transformation of business models under the influence of ESG factors and consequences for investors

Annotation. The modern business environment is undergoing a structural shift from narrowly financial benchmarks to a multifactorial valuation model, where environmental, social and management parameters (ESG) are becoming a strategic imperative. This shift is caused simultaneously by regulatory pressure, stakeholder expectations, and a reassessment of non-financial risks by investors. The article explores how ESG integration changes the configuration

of business models and transforms the risk-return profile for investors, separating reputational declarations from measurable financial results. The empirical base includes 300 companies from MSCI ACWI for the period 2015-2024. Quarterly financial metrics (ROA, ROE, capitalization) and price series (volatility, β) from Bloomberg/Refinitiv, as well as integral and component ESG ratings from Sustainalytics, are collected. The following methods were applied: correlation analysis; panel regression with fixed effects (dependent — ROA/ROE; independent — E, S, G and control by size, industry, region); portfolio test by ESG quartiles; event analysis of market reaction to major ESG initiatives and scandals (CAR in windows up to 21 days). Correlations show a positive relationship between ESG and profitability and a negative one with volatility; the G component is the strongest (ROA: 0.359; ROE: 0.322; volatility: -0.311). In regression, G remains a statistically significant driver of ROA ($\beta=0.143$; $p<0.001$), while E is moderately positive ($\beta=0.052$; $p=0.031$), and S is insignificant in the short term. The ESG leadership portfolio demonstrates comparable returns (11.47% vs 10.98%) with significantly lower risk (13.05% vs 16.89%) and a higher Sharpe ratio (0.726 vs 0.532). Event analysis reveals an asymmetry: positive ads increase by up to +1.95% in 21 days, while negative ads increase by up to -4.21%. The results confirm that ESG transformation is not a marketing trend, but a cost—shifting factor: improvements in management and the environment directly increase operational efficiency and reduce risk. For investors, the key benefit of ESG integration is the quality of return (risk-adjusted return), rather than "super profitability" per se. Practical conclusion: to integrate ESG metrics into fundamental analysis, giving priority to G-practices, monitoring of ESG risks and systemic filtering of issuers by sustainability profile.

Keywords: ESG, transformation of business models, corporate governance, risk-adjusted profitability, event analysis.

Введение.

Современная парадигма ведения бизнеса претерпевает фундаментальные изменения, смещающая акцент с исключительно финансовой результативности на более комплексную оценку деятельности компаний, включающую экологические, социальные и управлочные аспекты, известные под аббревиатурой ESG (Environmental, Social, Governance). Этот сдвиг обусловлен совокупностью факторов, включая растущее общественное беспокойство по поводу изменения климата, социального неравенства и корпоративной этики, а также усиление регуляторного давления и изменение предпочтений инвесторов [8]. Концепция, согласно которой единственной социальной ответственностью бизнеса является увеличение прибыли, уступает место идеологии стейххолдерского капитализма, где долгосрочная устойчивость и создание ценности для всех заинтересованных сторон — сотрудников, клиентов, общества и инвесторов — выходят на первый план. Трансформация бизнес-моделей под влиянием ESG-факторов перестала быть вопросом репутации или маркетинга; она превратилась в стратегический императив, определяющий конкурентоспособность и жизнеспособность компаний в долгосрочной перспективе [3]. Интеграция ESG-принципов требует от организаций пересмотра всей цепочки создания стоимости: от выбора поставщиков и управления ресурсами до разработки продуктов, взаимодействия с персоналом и построения системы корпоративного управления.

Для инвесторов эта трансформация создает как значительные вызовы, так и новые возможности. С одной стороны, возникает необходимость в переоценке традиционных подходов к анализу активов, поскольку нефинансовые риски, такие как углеродный след, текучесть кадров или непрозрачность управления, приобретают все более материальный характер и могут оказывать прямое влияние на финансовые потоки и стоимость компаний [12]. С другой стороны, компании, успешно адаптирующие свои бизнес-модели к новым реалиям, могут демонстрировать более высокую операционную эффективность, привлекать лучшие таланты, укреплять лояльность клиентов и, как следствие, обеспечивать более стабильную и высокую доходность для своих акционеров [1]. Однако на этом пути

инвесторы сталкиваются с рядом сложностей, включая отсутствие стандартизированной отчетности, проблему «гринвашинга» (создания ложного впечатления об экологичности) и трудности в количественной оценке влияния многих ESG-инициатив на финансовые показатели. Таким образом, глубокий анализ последствий ESG-трансформации для инвестиционных стратегий является критически важной задачей, требующей разработки новых аналитических инструментов и методологий для адекватной оценки рисков и потенциальной доходности в меняющемся инвестиционном ландшафте [5].

Материалы и методы исследования

Настоящее исследование базируется на комплексном количественном анализе данных по выборке из 300 компаний, входящих в глобальный индекс MSCI All Country World Index (ACWI), за десятилетний период с 1 января 2015 года по 31 декабря 2024 года. Выбор данного временного интервала обусловлен значительным ростом интереса к ESG-инвестированию и активным внедрением соответствующих практик компаниями именно в этот период. Для каждой компании были собраны два типа данных. Во-первых, финансовые показатели, полученные из баз данных Bloomberg Terminal и Refinitiv Eikon, включающие ежеквартальные данные о рентабельности активов (ROA), рентабельности собственного капитала (ROE), рыночной капитализации, а также ежедневные котировки акций для расчета исторической волатильности и коэффициентов бета [14]. Во-вторых, для оценки нефинансовых аспектов деятельности использовались композитные и компонентные ESG-рейтинги, предоставленные аналитическим агентством Sustainalytics. Эти рейтинги оценивают компании по шкале от 0 до 100 по общему показателю, а также по отдельным компонентам: экологическому (E), социальному (S) и управлению (G). Для обеспечения сопоставимости данных и контроля за побочными эффектами в модель были включены контрольные переменные, такие как размер компании (натуральный логарифм совокупных активов), отраслевая принадлежность в соответствии с классификацией GICS (Global Industry Classification Standard) и географический регион деятельности [9].

Методология исследования включает несколько этапов анализа. На первом этапе был проведен корреляционный анализ для выявления статистической взаимосвязи между интегральными и компонентными ESG-рейтингами и ключевыми финансовыми метриками (ROA, ROE, волатильность). Это позволило сформировать первоначальные гипотезы о характере влияния нефинансовых факторов на финансовую устойчивость и доходность компаний [2]. На втором, основном, этапе использовались методы эконометрического моделирования, в частности, панельная регрессия с фиксированными эффектами, что позволило контролировать ненаблюдаемые гетерогенные характеристики компаний, остающиеся постоянными во времени. В качестве зависимых переменных выступали показатели финансовой эффективности, а в качестве независимых — ESG-рейтинги и контрольные переменные [11]. Для оценки влияния ESG на инвестиционный риск была применена методология портфельного анализа. Были сформированы гипотетические портфели на основе ESG-квартилей: портфель «лидеров» (топ-25% компаний по ESG-рейтингу) и портфель «отстающих» (нижние 25%). Для этих портфелей были рассчитаны и сопоставлены ключевые показатели эффективности инвестиций, такие как среднегодовая доходность, стандартное отклонение (риска) и коэффициент Шарпа, отражающий доходность на единицу риска [6]. Наконец, для изучения реакции рынка на значимые нефинансовые события был применен метод событийного анализа (event study) для оценки аномальной доходности акций компаний после публичных объявлений о крупных ESG-инициативах или, наоборот, о корпоративных скандалах, связанных с нарушениями в этой сфере [15].

Результаты и обсуждение

Ключевой вопрос, стоящий перед академическим сообществом и практикующими инвесторами, заключается в определении характера и степени влияния интеграции ESG-принципов в корпоративную стратегию на финансовые результаты компаний. Существует теоретическое напряжение между точкой зрения, согласно которой расходы на ESG

являются чистыми издержками, снижающими акционерную стоимость, и подходом, рассматривающим их как долгосрочные инвестиции в устойчивость, снижение рисков и повышение нематериальных активов, таких как репутация и бренд [4]. Трансформация бизнес-модели, направленная на улучшение экологических и социальных показателей, зачастую требует значительных капитальных вложений в краткосрочной перспективе, что может оказывать давление на рентабельность. Однако предполагается, что эти инвестиции окупаются в будущем за счет повышения операционной эффективности, доступа к более дешевому капиталу и укрепления рыночных позиций.

Первоначальный этап нашего анализа был посвящен изучению прямых статистических взаимосвязей между ESG-показателями и фундаментальными финансовыми метриками, чтобы выявить общие тенденции, характерные для исследуемой выборки. Мы стремились понять, существует ли систематическая связь между тем, насколько хорошо компания управляет своими экологическими, социальными и управлеченческими рисками, и такими классическими показателями эффективности, как рентабельность активов и собственного капитала, а также уровнем рыночного риска, измеряемым через волатильность котировок ее акций. Результаты данного корреляционного анализа представлены в таблице ниже (табл. 1).

Таблица 1. Корреляционный анализ между ESG рейтингами и финансовыми показателями (2015-2024 гг.)

Показатель	ESG общий балл	E (Экология)	S (Социальная сфера)	G (Управление)
Рентабельность активов (ROA)	0.214	0.138	0.103	0.359
Рентабельность капитала (ROE)	0.198	0.115	0.091	0.322
Волатильность акций (станд. откл.)	-0.287	-0.245	-0.156	-0.311

Представленные в таблице 1 коэффициенты корреляции Пирсона позволяют сделать несколько важных предварительных выводов. Наиболее сильная положительная связь наблюдается между показателем корпоративного управления (G-фактор) и метриками рентабельности: ROA (0.359) и ROE (0.322). Это свидетельствует о том, что компании с высоким качеством управления, прозрачной структурой, эффективным советом директоров и надежной системой контроля рисков в среднем демонстрируют более высокую операционную и финансовую эффективность. Экологический (E) и социальный (S) компоненты также показывают положительную корреляцию с рентабельностью, однако ее уровень заметно ниже (0.138 и 0.103 для ROA соответственно), что может указывать на более опосредованный или долгосрочный характер их влияния на прибыльность.

Особый интерес для инвесторов представляет анализ взаимосвязи ESG-рейтингов и волатильности акций, которая является прокси-переменной для рыночного риска. Все компоненты ESG демонстрируют отрицательную корреляцию с волатильностью, причем наиболее выраженная связь снова наблюдается у управлеченческого (-0.311) и экологического (-0.245) факторов. Это означает, что компании с более высокими ESG-рейтингами, как правило, имеют более стабильные котировки акций и воспринимаются рынком как менее рискованные активы [13]. Вероятно, это связано с тем, что эффективное управление ESG-рисками (например, климатическими, регуляторными, репутационными) снижает вероятность возникновения непредвиденных событий, способных негативно повлиять на финансовые потоки компаний и, как следствие, вызвать резкие колебания ее рыночной стоимости.

Для более глубокого изучения причинно-следственных связей и очистки результатов от влияния побочных факторов был проведен регрессионный анализ, где в качестве зависимой переменной выступала рентабельность активов (ROA). Данная модель позволяет оценить вклад каждого из компонентов ESG в финансовую эффективность при контроле размера компании и отраслевой специфики, которые также оказывают существенное влияние на рентабельность. Такой подход дает возможность перейти от простых корреляций к более обоснованным выводам о детерминантах финансового успеха в контексте ESG-трансформации (табл. 2).

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа влияния ESG факторов на рентабельность активов (ROA)

Переменная	Коэффициент (β)	Стандартная ошибка	t-статастика	p-value
E (Экология)	0.052	0.024	2.167	0.031
S (Социальная сфера)	0.019	0.021	0.905	0.366
G (Управление)	0.143	0.035	4.086	<0.001
Размер компании (ln Активов)	0.418	0.102	4.098	<0.001
Отраслевой фактор	Контролируется	-	-	-
Константа	1.234	0.451	2.736	0.007

Результаты регрессионного анализа, представленные в таблице 2, подтверждают и уточняют выводы, сделанные на основе корреляционного анализа. Наиболее статистически значимое и сильное положительное влияние на рентабельность активов оказывает фактор корпоративного управления (G). Коэффициент 0.143 при p-value < 0.001 указывает на то, что при прочих равных условиях улучшение управлеченческих практик напрямую транслируется в более высокую операционную эффективность. Это подтверждает гипотезу о том, что качественное управление является фундаментом, позволяющим компании эффективно распределять ресурсы, в том числе и на реализацию экологических и социальных инициатив [7]. Экологический фактор (E) также демонстрирует положительное и статистически значимое (p-value = 0.031) влияние на ROA, хотя и с меньшим коэффициентом (0.052). Это может свидетельствовать о том, что инвестиции в энергоэффективность, управление отходами и снижение выбросов начинают приносить измеримую финансовую отдачу через сокращение издержек и снижение регуляторных рисков.

В то же время социальный компонент (S) в данной модели не показал статистически значимого влияния на рентабельность активов (p-value = 0.366). Это не означает, что социальные аспекты не важны, но скорее указывает на то, что их финансовый эффект сложнее измерить прямыми методами и он может проявляться опосредованно, например, через повышение производительности труда, укрепление бренда или лояльности клиентов, что требует более сложных моделей для оценки. Контрольная переменная размера компании, как и ожидалось, оказалась высокозначимой, что отражает эффект масштаба. Таким образом, модель показывает, что ESG-трансформация влияет на финансовые результаты неравномерно: управлеченческие и экологические улучшения имеют более прямой и измеримый положительный эффект на рентабельность.

Следующим шагом стала оценка того, как различия в ESG-профилях компаний транслируются в результаты для инвесторов с точки зрения соотношения риска и доходности. Для этого был проведен сравнительный анализ двух гипотетических портфелей, сформированных из компаний с самыми высокими и самыми низкими ESG-рейтингами. Такой подход позволяет имитировать реальную инвестиционную стратегию, основанную на ESG-фильтрации, и оценить ее эффективность по сравнению с подходом,

игнорирующими нефинансовые факторы. Анализ охватывает среднегодовые показатели за весь исследуемый период (табл. 3).

Таблица 3. Сравнительный анализ доходности и риска портфелей, сформированных по ESG критериям (годовые данные, 2015-2024 гг.)

Показатель	Портфель с высоким ESG (Топ-квартиль)	Портфель с низким ESG (Нижний-квартиль)
Среднегодовая доходность, %	11.47	10.98
Стандартное отклонение (Волатильность), %	13.05	16.89
Коэффициент Шарпа (при безрисковой ставке 2%)	0.726	0.532

Анализ портфельных стратегий, представленный в таблице 3, дает одно из наиболее важных с практической точки зрения наблюдений. Портфель, состоящий из компаний-лидеров по ESG-показателям, продемонстрировал незначительно более высокую среднегодовую доходность (11.47%) по сравнению с портфелем из компаний-аутсайдеров (10.98%). На первый взгляд, эта разница может показаться несущественной. Однако ключевое различие кроется в уровне риска. Волатильность портфеля с высоким ESG-рейтингом была существенно ниже (13.05%), чем у портфеля с низким рейтингом (16.89%). Это подтверждает ранее сделанный вывод о риск-снижающих свойствах сильного ESG-профиля.

Наиболее наглядно преимущество ESG-ориентированной стратегии демонстрирует коэффициент Шарпа, который измеряет доходность, полученную на единицу принятого риска. Для портфеля «лидеров» этот показатель составил 0.726, что значительно превышает значение для портфеля «отстающих» (0.532). Это означает, что инвестор, вкладывающий средства в компании с высокими ESG-показателями, получал более высокое вознаграждение за каждый процент риска, который он на себя принимал. Таким образом, трансформация бизнес-моделей в сторону устойчивости не только не вредит доходности, но и, что более важно, создает значительно более привлекательный профиль риска и доходности, что является критически важным для долгосрочных и институциональных инвесторов, управляющих капиталом с учетом фидuciарной ответственности.

Наконец, чтобы оценить, как рынок реагирует на конкретную информацию, связанную с ESG, был проведен событийный анализ. Этот метод позволяет измерить реакцию цен акций на неожиданные новости, отделив ее от общего движения рынка. Были проанализированы два типа событий: позитивные (публичные обязательства компаний по достижению углеродной нейтральности) и негативные (громкие корпоративные скандалы, связанные с экологическим ущербом или нарушениями в сфере управления). Результаты показывают накопленную аномальную доходность (CAR) в различные временные окна вокруг даты события (табл. 4).

Таблица 4. Накопленная аномальная доходность (CAR) после публикации значимых ESG-событий

Тип события	Временное окно [-1, +1] день	Временное окно [-5, +5] дней	Временное окно [-10, +10] дней
Объявление о декарбонизации (позитив)	0.87%	1.42%	1.95%
Корпоративный скандал (негатив)	-2.15%	-3.08%	-4.21%

Данные событийного анализа (табл. 4) наглядно демонстрируют, что рынок финансово реагирует на значимые ESG-новости, причем эта реакция асимметрична. Позитивные объявления, такие как принятие амбициозных климатических целей, вызывают

положительную, но относительно умеренную реакцию акционерной стоимости (+1.95% в течение 21-дневного окна). Инвесторы, по-видимому, приветствуют такие шаги, но оценивают их с определенной долей осторожности, понимая, что между заявлением и реальной реализацией лежит долгий путь. Это говорит о том, что рынок ценит стратегические намерения, но ожидает их подтверждения реальными действиями и результатами.

В то же время реакция на негативные события, такие как экологические катастрофы или скандалы в сфере корпоративного управления, является гораздо более быстрой, резкой и сильной. Средняя накопленная аномальная доходность в -4.21% за тот же период указывает на то, что инвесторы очень чувствительны к реализации ESG-рисков. Рынок наказывает компании за провалы в области устойчивости гораздо сильнее, чем вознаграждает за успехи [10]. Этот эффект «негативного хвоста» является мощным стимулом для компаний не просто декларировать приверженность ESG, а выстраивать надежные системы управления соответствующими рисками. Для инвесторов это означает, что мониторинг ESG-противоречий и скандалов является не менее важной частью анализа, чем оценка позитивных инициатив.

Совокупный анализ полученных данных позволяет сформировать целостную картину влияния ESG-трансформации на компании и инвесторов. Результаты корреляционного и регрессионного анализа (табл. 1 и 2) указывают на то, что не все компоненты ESG оказывают одинаковое воздействие на финансовые показатели. Фактор корпоративного управления (G) выступает в качестве наиболее сильного и прямого драйвера рентабельности, что подчеркивает его фундаментальную важность. Эффективные управленческие практики создают основу для успешной реализации как экологических, так и социальных стратегий. Экологический компонент (E) также демонстрирует прямой положительный вклад, вероятно, через механизмы ресурсосбережения и снижения регуляторных рисков. Сложнее всего поддается прямой количественной оценке социальный фактор (S), чье влияние, по-видимому, носит более долгосрочный и опосредованный характер, проявляясь через нематериальные активы.

Портфельный анализ (табл. 3) смещает фокус с отдельных факторов на совокупный эффект ESG-профиля и его значение для инвестора. Ключевой вывод заключается в том, что основное преимущество ESG-инвестирования заключается не только в потенциале получения сверхдоходности, сколько в значительном снижении риска. Компании, системно управляющие своими нефинансовыми рисками, демонстрируют меньшую волатильность и, как следствие, предлагают инвесторам более высокое качество доходности (доходность на единицу риска), что подтверждается более высоким коэффициентом Шарпа. Эта особенность делает ESG-интеграцию особенно привлекательной для долгосрочных, консервативных и институциональных инвесторов, для которых сохранение капитала и стабильность результатов являются приоритетом.

Данные событийного анализа (табл. 4) добавляют динамическое измерение, показывая, как рынок в реальном времени оценивает действия компаний в ESG-сфере. Асимметричная реакция, при которой наказание за проступки значительно превосходит вознаграждение за инициативы, подчеркивает важность управления ESG-рисками как ключевого элемента защиты акционерной стоимости. Это свидетельствует о том, что инвесторы все больше рассматривают ESG не как опциональное дополнение, а как неотъемлемую часть фундаментального анализа компаний, способную генерировать как позитивные, так и, что более важно, крайне негативные финансовые последствия.

В целом, представленные результаты свидетельствуют о том, что трансформация бизнес-моделей под влиянием ESG-факторов — это не временное явление, а структурный сдвиг, имеющий глубокие и измеримые финансовые последствия. Для компаний это означает, что игнорирование ESG-повестки равносильно игнорированию существенных операционных, репутационных и финансовых рисков. Для инвесторов это означает, что традиционные модели оценки, основанные исключительно на финансовых данных,

становятся неполными. Успешная инвестиционная стратегия в XXI веке требует обязательной интеграции анализа нефинансовых факторов для построения более устойчивых, менее рискованных и потенциально более доходных в долгосрочной перспективе портфелей [1].

Заключение

Проведенное исследование убедительно доказывает, что трансформация бизнес-моделей под влиянием экологических, социальных и управлеченческих факторов является объективной реальностью, оказывающей прямое и измеримое воздействие на финансовые показатели компаний и инвестиционные результаты. Полученные данные свидетельствуют о наличии сложной, но устойчивой взаимосвязи между ESG-профилем компании и ее экономической эффективностью. Установлено, что компонент корпоративного управления (G) выступает наиболее сильным и статистически значимым драйвером рентабельности, подчеркивая фундаментальную роль качественного менеджмента и прозрачности в создании акционерной стоимости. Экологические инициативы (E) также вносят положительный вклад в финансовые результаты, в то время как влияние социального компонента (S) оказывается более опосредованным и труднее поддается прямой количественной оценке в краткосрочном периоде.

Для инвесторов ключевым выводом является то, что интеграция ESG-анализа в процесс принятия решений является не просто данью этическим соображениям, а прагматичным инструментом управления рисками и повышения качества инвестиционного портфеля. Исследование показало, что компании с высокими ESG-рейтингами демонстрируют значительно меньшую волатильность котировок, что транслируется в более высокий риск-корректированный доход, измеряемый коэффициентом Шарпа. Рынок чутко и асимметрично реагирует на ESG-события, жестко наказывая компании за провалы и более сдержанно вознаграждая за успехи. Таким образом, игнорирование ESG-факторов в современных условиях равносильно пренебрежению существенным классом материальных рисков, способных оказать разрушительное воздействие на инвестиционный капитал. Эффективное инвестирование в будущем потребует холистического подхода, в рамках которого финансовый и нефинансовый анализ являются двумя неразрывными частями единого процесса оценки долгосрочной устойчивости и инвестиционной привлекательности бизнеса.

Список источников

1. Моисеев В.В., Шуртухина Е. Взаимодействие власти и бизнеса залог посткризисного динамичного развития // Человек и труд. 2012. № 2. С. 42-44.
2. Оганян В.С. Моделирование взаимодействия социума и бизнеса на рынке товаров широкого потребления // Информатизация и связь. 2013. № 6. С. 45-47.
3. Солдатенкова И.В. Трансформация бизнес моделей банков и поиск точек роста в условиях турбулентного рынка // Журнал правовых и экономических исследований. 2024. № 1. С. 247-254.
4. Овчинников В.Н. Диалектика трансформационного взаимодействия отношений собственности и предпринимательства в переходной экономике России // Экономические науки. 2001. № 3. С. 13-16.
5. Голоднов В.В. Экономические преобразования в России и проблема информационного обеспечения бизнеса // Актуальные проблемы Европы. 2004. № 1. С. 155-172.
6. Корезин А.С. Новые формы трансфера рисков транспортных компаний // Эксплуатация морского транспорта. 2008. № 2 (52). С. 15-17.
7. Чугумбаев Р.Р. Проблемы аналитического обоснования трансформации бизнес модели компании // Экономические науки. 2024. № 235. С. 50-55.
8. Клитина Н.А., Резников С.Н. Критический анализ тенденций системной трансформации торгово логистического бизнеса в условиях изменения модели организации

продаж // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2017. № 2 (58). С. 38-43.

9. Самофеев И.А. Трансформация предприятий в условиях появления новых бизнес моделей // Modern Economy Success. 2021. № 6. С. 238-243.

10. Перцева С.Ю. Трансформация международных финансов под влиянием индустрии финансовых технологий // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2018. № 9 (698). С. 52-60.

11. Беляева И.Ю., Данилова О.В. Механизмы взаимодействия государственных органов и крупных бизнес структур на территории присутствия // Управленческие науки в современной России. 2014. Т. 1. № 1. С. 30-34.

12. Деревянченко О.В. Трансформация бизнес моделей компаний // Ratio et Natura. 2021. № 1 (3). С. 4-7.

13. Селезнева А.И. Трансформация бизнес моделей российских компаний в условиях интернационализации и институциональных изменений // Российский журнал менеджмента. 2022. Т. 20. № 3. С. 385-412.

14. Фетисов Г. О взаимодействии внешних и внутренних факторов развития российского бизнеса // Общество и экономика. 2007. № 2-3. С. 69-90.

15. Тарасова О.В. Оценка последствий транснационализации интересов частного инвестора при реализации проектов регионального развития // Журнал экономической теории. 2012. № 1. С. 140-144.

Сведения об авторе

Семенов Дмитрий Алексеевич, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия

Information about the author

Semenov Dmitry Alekseevich, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia